

Научная статья

УДК 347.5:343.3

DOI: <https://doi.org/10.30932/2500-1868-2026-59-3-02>

Привлечение к юридической ответственности за вред, причиненный беспилотными воздушными судами в условиях вооруженного конфликта

Коник Алексей Алексеевич,

кандидат педагогических наук, доцент,

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4563-3509>

РИНЦ SPIN-код: 9074-3701, AuthorID: 674515

Король Александр Иванович,

кандидат педагогических наук,

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-1861-0657>

РИНЦ SPIN-код: 9237-6394, AuthorID: 908958

Пупынина Алина Александровна,

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4778-5064>

РИНЦ SPIN-код: 8557-7183, AuthorID: 1363059

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы привлечения к юридической ответственности за вред, причиненный беспилотными воздушными судами в условиях специальной военной операции, проблемные аспекты квалификации преступлений, совершенных путем неправомерного использования беспилотных воздушных судов, а также предложены актуальные пути их решения.

Ключевые слова: беспилотные воздушные суда; имущественный вред; гражданско-правовая ответственность; уголовная ответственность.

Для цитирования: Коник А. А., Король А. И., Пупынина А. А. Привлечение к юридической ответственности за вред, причиненный беспилотными воздушными судами в условиях вооруженного конфликта // Транспортное право и безопасность. 2026. № 3(59). С. 21–29. <https://doi.org/10.30932/2500-1868-2026-59-3-02>.

Original article

Legal liability for damage caused by unmanned aerial vehicles in the armed conflict

Aleksey Al. Konik,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia

Aleksandr Iv. Korol,

Candidate of Pedagogical Sciences,
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia

Alina Al. Pupynina,

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia

Abstract. The current paper has considered the key issues regarding legal liability for damage caused by unmanned aerial vehicles during the special military operation, as well as the challenges involved in classifying crimes committed through the unlawful use of such vehicles. There have been also proposed relevant solutions to these problems.

Keywords: unmanned aerial vehicles; property damage; civil liability; criminal liability.

For citation: Konik A. A., Korol A. I., Pupynina A. A. Legal liability for damage caused by unmanned aerial vehicles in the armed conflict // Transport law and security. 2026; (3(59)):21–29.

© Коник А. А., Король А. И., Пупынина А. А., 2026

Беспилотные воздушные суда (далее — БВС), также определяемые как «беспилотники» или «дроны», представляют собой летательные аппараты, управление которыми может осуществляться как в автономном режиме по запрограммированному маршруту, так и дистанционно внешним пилотом, находящимся вне борта судна. С правовой и технической точек зрения, на сегодняшний БВС выступают в качестве высокотехнологичных объектов, большинство из которых оборудованы интеллектуальными автоматизированными системами, что может обеспечивать высокую степень автономности при выполнении широкого спектра задач.

Необходимо отметить, что массовое развитие «беспилотников» произошло в период использования их в коммерческих целях. Тем не менее благодаря техническим характеристикам и тактическим возможностям БВС коммерческого типа широко применяются в современных вооруженных

конфликтах, а наибольшее распространение получили в период проведения специальной военной операции (далее — СВО). Специфика и масштабирование их применения привело к причинению значительного ущерба не только объектам военной инфраструктуры, но и имущественным интересам, а также жизни и здоровью гражданского населения.

В период проведения СВО особую значимость приобретает вопрос о привлечении к юридической ответственности за причинение вреда вследствие эксплуатации БВС вооруженными силами Украины (далее — ВСУ). В приграничных регионах Российской Федерации фиксируются систематические прецеденты нанесения ущерба личной безопасности и физическому состоянию граждан, а также деструктивного воздействия на объекты гражданской инфраструктуры, обусловленные применением БВС со стороны вооруженных формирований противника. Однако встречаются случаи недостаточной подготовки операторов, нарушения регламентов эксплуатации БВС, сбои оборудования или воздействие радиоэлектронной борьбы со стороны вооруженных сил Российской Федерации, что приводит к последствиям в виде причинения физического вреда гражданам (травмы различной степени тяжести, летальные исходы), материальный ущерб (повреждение или разрушение объектов гражданской инфраструктуры, а также моральный вред (возникновение состояния тревоги, посттравматических стрессовых расстройств у населения), что для пострадавшего гражданина требует юридической оценки.

Так, если рассматривать БВС как самостоятельный субъект гражданских правоотношений, можно сказать о том, что одной из центральных проблем является отсутствие необходимой правовой регламентации порядка возмещения имущественного ущерба, причиненного гражданским лицам в условиях СВО. К примеру, в Белгородской области правоприменительная практика по возмещению материального ущерба базируется на нормативных актах исполнительной власти региона в лице главы субъекта или правительства области. В соответствии с ч. 4 Указа Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 года № 756», данные должностные лица наделены полномочиями по введению, изменению или отмене особых правовых режимов на территории соответствующего субъекта РФ. Правовое регулирование в Белгородской области в период проведения СВО опирается на особые режимы: «желтый» уровень террористической опасности и режим контртеррористической операции. Это позволяет квалифицировать атаки БВС на гражданскую инфраструктуру как террористические акты, поскольку подобные действия рассматриваются как устрашение населения, нанесение ущерба частным объектам собственности и попытки дестабилизировать обстановку в регионе. Данные обстоятельства фактически облегчают процесс доказывания факта причинения имущественного вреда. Однако

правовая неопределенность сохраняется из-за отсутствия единого федерального стандарта компенсации такого вреда.

По мнению исследователей, теоретически атаки БВС на объекты частной собственности можно отнести к страховым случаям, и применение классической модели страхового возмещения будет ограничено ст. 1064 ГК РФ. Согласно приведенной правовой норме ответственность за возмещение ущерба возлагается в полном объеме на лицо, его причинившее. Однако в связи с тем, что атаки осуществляются со стороны иностранного государства, а военное положение на территории приграничных регионов введено не было, определить субъект, подлежащий ответственности (т.е. установить конкретного военнослужащего ВСУ, непосредственно управлявшего БВС, отдавшего приказ о запуске или планировавшего атаку, как и привлечь его к ответственности), становится чрезвычайно сложной задачей, соответственно, гражданско-правовая ответственность фактически наступить не может. Более того, согласно ч. 1 ст. 964 ГК РФ «страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения и страховой суммы, когда страховой случай наступил вследствие военных действий, а также маневров или иных мероприятий», однако на сегодняшний день на территориях приграничных регионов России недопустимо понятие «военные действия», так как в соответствии с определением Верховного Суда РФ от 3 февраля 2025 г. по делу № А40-266406/20231 «состояние войны в Российской Федерации не объявлялось. Военных действий, как они определены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (от 18 мая 2023 г. №11), в Белгородской области не велось», поэтому приведенные правовые нормы гражданского законодательства в подобных случаях могут являться неактуальными и не обеспечивать реализацию прав граждан на возмещение ущерба в полном объеме.

Возмещение имущественных потерь, понесенных гражданскими и юридическими лицами в ходе СВО на территориях Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей, реализуется преимущественно посредством государственных компенсационных механизмов. Это означает, что основные финансовые потоки для покрытия ущерба направляются через специально созданные или адаптированные государственные программы и фонды. Введение на данных территориях военного положения снижает эффективность применения классических механизмов страхования, поскольку типовые условия большинства страховых договоров, как правило, предусматривают положения об исключении военных рисков, вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций военного характера из перечня страховых случаев.

Стоит отметить, что во избежание гражданско-правовых споров на сегодняшний день компенсация имущественного вреда гражданам, пострадавшим в результате атак ВСУ, осуществляется на основании ч. 2 ст. 18 Федерального закона «О противодействии терроризму» путем перечисления средств из федерального бюджета. При этом органы исполнительной

власти подпадающих под указанные признаки субъектов РФ наделены самостоятельными полномочиями по установлению порядка осуществления имущественных возмещений.

В указанной обстановке представляется теоретически и практически актуальным переход к смешанной модели компенсации материального ущерба, предполагающей непосредственное применение институтов страхования. Важнейшим аспектом данной инициативы является пересмотр подходов к классификации страховых случаев в регионах с действующим специальным правовым режимом. Несмотря на положения ст. 964 ГК РФ, предусматривающие освобождение страховщиков от обязанностей по возмещению ущерба в подобных обстоятельствах, представляется целесообразным пересмотр данной процедуры компенсации с учетом разработки специализированных программ софинансирования или государственного перестрахования рисков, при наступлении ответственности, связанной с новыми угрозами, в том числе неправомерным воздействием БВС. Необходимо отметить, что функционирование указанной модели требует изменений в страховом законодательстве, целью которых будет являться минимизация случаев отказа страховщиков от исполнения обязательств со ссылкой на непредвиденные обстоятельства. Необходимо отметить растущую потребность подобных изменений в современных реалиях.

В подтверждение сказанного можно привести актуальный пример из судебной практики. Предметом рассмотрения стал случай, связанный с обеспечением кредитных обязательств и последующим страхованием имущества в приграничном регионе. ООО «Лафид» получило кредитные средства от АО «Россельхозбанк». Исполнение данного кредитного обязательства было обеспечено залогом (ипотекой) четырех объектов недвижимого имущества, расположенных на территории города Шебекино Белгородской области. Указанные залоговые объекты впоследствии стали предметом договора страхования, заключенного между ООО «Лафид» и АО «РСХБ-Страхование». В период 31 мая и 1 июня 2023 г. вследствие обстрелов города Шебекино застрахованное имущество компании «Лафид» получило повреждения. Страхователь, в свою очередь, уведомил страховщика о наступлении события, квалифицируемого как потенциальный страховой случай. Однако страховщик отклонил требование о выплате страхового возмещения. Мотивация отказа заключалась в том, что повреждения были вызваны военными действиями. В обоснование своей позиции страховщик сослался на положения рассмотренной ст. 964 ГК РФ. Было акцентировано внимание на отсутствии в заключенном договоре положений, исключающих применение данной нормы в части военных событий.

В рамках судебного разбирательства по делу № А40-266406/2023 первоначальные судебные инстанции, суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили исковые требования страхователя. Их решение основывалось на положении ст. 964 ГК РФ, которая предполагает освобождение страховщика от ответственности при наступлении ущерба в результа-

те военных действий. Однако кассационная инстанция пересмотрела данный подход. В целях эффективного регулирования гражданско-правовых отношений и разрешения возникшего гражданского спора кассационный суд признал обстрел города Шебекино де-факто военными действиями, несмотря на отсутствие их формально-правового статуса. Таким образом, разработка и последующая реализация подобных механизмов в регионах России в условиях действия специальных правовых режимов (на примере Белгородской области) позволит модернизировать систему компенсации в активную страховую модель адресной поддержки собственников.

Необходимо отметить, что в отдельных случаях за причинение имущественного ущерба, а также за создание угроз жизни и здоровью граждан путем использования БВС вооруженными формированиями противника может наступить уголовно-правовая ответственность.

В современном российском уголовном праве квалификация деяний, связанных с применением беспилотных воздушных судов ВСУ по объектам на территории России, носит комплексный характер. Правовая оценка данных действий, прежде всего, основывается на анализе объекта посягательства, субъекта преступления, его мотивов и целей, а также степени общественной опасности наступивших последствий.

Необходимо отметить, что международный режим воздушного пространства и ответственность за его нарушение утверждены Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1974 г. на заседании № 2319. В соответствии со ст. 1 каждое государство признает за собой полный исключительный суверенитет над воздушным пространством своей территории. Агрессия в отношении территориальной целостности или политической независимости предполагает использование вооруженных сил в отношении отдельного государства или нарушение суверенитета иными действиями, нарушающими положения Устава ООН.

Так, наиболее распространенная квалификация атак БВС на объекты гражданской инфраструктуры представлена ст. 205 «Террористический акт» УК РФ. Согласно данной норме совершение взрыва или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека в целях дестабилизации органов власти, квалифицируется как терроризм. При эксплуатации БВС объективная сторона преступления состоит в использовании ударных беспилотных аппаратов для нанесения ударов по невоенным целям (жилые дома, торговые центры). Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом в части, касающейся устрашения гражданского населения и дестабилизации деятельности органов власти. Однако анализ судебной практики показывает, что на сегодняшний день наблюдается дефицит вступивших в законную силу приговоров по делам о терроризме с применением БВС со стороны ВСУ. Это обусловлено существенными затруднениями, связанными с установлением субъекта преступления, поскольку атаки производятся со стороны иностранного государства. Кроме того, управление БВС может осуществляться автономно с

помощью искусственного интеллекта, что делает установление субъекта преступления практически невозможным.

Составом преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, поглощаются ст. 111, 112, 115 УК РФ (причинение вреда здоровью различной степени тяжести), по которым также возможна квалификация рассматриваемых деяний. Для этого необходимо доказать наличие прямого или косвенного умысла на причинение вреда именно гражданскому населению. В условиях боевых действий обвинение может столкнуться с доводами о случайном попадании или поражении «легитимной военной цели», что требует тщательного анализа траектории полета, типа БВС, характера цели, момента удара, а также специфики полученных травм. Для решения данной проблемы возможна разработка специализированных методик судебно-медицинской экспертизы для оценки специфических травм, возникающих при детонации боеприпасов БВС в городской среде, а также привлечение специалистов для определения тактико-технических характеристик и возможностей БВС.

Также нанесение вреда путем применения БВС со стороны вооруженных сил противника можно квалифицировать по ст. 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны» УК РФ. В диспозиции данной нормы указано, что к запрещенным методам ведения войны следует относить применение запрещенных международным договором РФ средств и методов не только при ведении военных действий, но и вооруженных конфликтов в целом. Необходимо обратиться к Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г., устанавливающей полный и исключительный суверенитет над воздушным пространством своих территорий, а также условия и порядок эксплуатации государственных и гражданских воздушных судов. В ст. 8 данного документа определено, что «никакое воздушное судно, способное совершать полеты без пилота, не производит полета над территорией Договаривающегося государства, кроме как по специальному разрешению этого государства и в соответствии с условиями такого разрешения». Массированное применение БВС в военных целях, как закреплено в п. 15 Военной доктрины Российской Федерации от 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, является основной чертой и особенностью военных конфликтов.

Непосредственные определения вооруженного конфликта и военных действий содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы». В абз. 5 п. 2 постановления указано, что вооруженным конфликтом признается «вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт), в ходе которого осуществляется применение вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов без

перехода государства в состояние войны». Согласно абз. 6 п. 2 под военными действиями понимаются действия, которые ведет Россия в военное время по отражению вооруженного нападения на Россию другого государства или группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров РФ.

Как отмечено ранее, понятие «военные действия» на территориях приграничных регионов с юридической точки зрения недопустимо. В связи с этим возникает проблемный аспект в установлении объективной стороны преступления, следовательно, его состава в целом и привлечении лиц, неправомерно использующих БВС, к уголовной ответственности. На сегодняшний день требуется совершенствование нормативно-правового регулирования в данной области. Возможна разработка постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющего правила разграничения составов, предусмотренных ст. 205, 356, 111, 112, 115 УК РФ при использовании дистанционно управляемых систем, а также закрепление приоритета ст. 356 УК РФ как специальной нормы в условиях вооруженного конфликта.

В условиях напряженности в приграничных регионах Российской Федерации, где фиксируются инциденты, связанные с применением БВС, могут возникать случаи инсценировки таких событий отдельными гражданами. Данное явление, с научной точки зрения, может быть классифицировано как симуляция происшествия с целью извлечения выгоды или введения в заблуждение. Процесс инсценировки включает в себя создание ложной доказательной базы и формирование искаженной нарративной линии. Как правило, это размещение фрагментов БВС или схожих по внешнему виду элементов в непосредственной близости от поврежденного имущества. Эти элементы могут быть найдены заранее, приобретены или изготовлены кустарным способом. Также создание на имуществе повреждений, которые визуально соответствуют характеру воздействия от взрывных устройств или падения фрагментов БВС, может быть осуществлено путем механического воздействия, использования взрывчатых веществ малой мощности и других противоправных методов. Подача заявления в правоохранительные органы, страховую компанию или органы власти, содержащее заведомо ложные сведения о наступлении события — атаки беспилотного воздушного судна, может быть квалифицировано в соответствии с уголовным законодательством РФ. Составы подобных деяний образуют преступления, предусмотренные несколькими статьями УК РФ: ст. 159.5 «Мошенничество в сфере страхования», определяющей наказание за хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором; ст. 306 «Заведомо ложный донос», определяющей наказание за заведомо ложное сообщение о совершении преступления, в случае, когда гражданин подает заявление в правоохранительные органы о том, что его имущество было повреждено в результате атаки БВС, зная, что данное сообщение является ложным. При

этом не имеет значения, было ли фактически совершено какое-либо преступление третьими лицами или нет, главное — ложность заявления о его совершении.

Фактическая квалификация действий и меры ответственности будут определяться следственными органами и судом на основе всех собранных доказательств, установления умысла и размера причиненного ущерба (или попытки его причинения). Инсценировка подобных происшествий не только влечет за собой серьезные юридические последствия, но и подрывает доверие к сообщениям о реальных инцидентах, а также отвлекает значительные ресурсы правоохранительных органов и экстренных служб.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день механизмы привлечения к юридической ответственности за вред, причиненный использованием «беспилотников» со стороны иностранного государства в условиях вооруженного конфликта, требуют комплексной модернизации. В области гражданских правоотношений необходимо внедрить активное применение практики взыскания компенсации материального и морального вреда с лиц, причинивших ущерб (даже при заочном осуждении) с возможностью обращения взыскания на арестованные активы государства-агрессора или аффилированных структур. Одной из основных проблем в данном направлении выступает отсутствие возможности определения субъекта совершенного деяния, соответственно, гражданско-правовая или уголовная ответственность в таком случае наступить не может. Целесообразно внедрение высокотехнологичных методов идентификации субъекта преступления путем анализа радиоэлектронного следа, расшифровки полетных контроллеров (при наличии фрагментов) и перехвата телеметрических данных, а также интеграция данных спутниковой разведки и систем объективного контроля в доказательственную базу уголовных дел для подтверждения точки запуска и траектории полета, что критически важно для установления умысла и причастности конкретных лиц. При успешной реализации данного предложения, возможна адаптация доктрины уголовного права к признанию ответственности не только непосредственного оператора БВС, но и вышестоящих лиц, допустивших совершение преступления (по аналогии с нормами международного права), что позволит расширить круг субъектов ответственности.